

**Майзель Михаил Гаврилович**

**Краткий очерк современной  
русской литературы**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
М69

М69      **Михаил Гаврилович М.**  
Краткий очерк современной русской литературы / Майзель Михаил Гаврилович – М.:  
Книга по Требованию, 2024. – 208 с.

**ISBN 978-5-519-94642-1**

**ISBN 978-5-519-94642-1**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2024  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ГЛАВА ПЕРВАЯ

### НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

Мировая война и кризис русской литературы. Патриотическо-шовинистическая литература. Патриотический лубок. Безыдейно-декадентская литература. И. Северянин. Акмеизм. Пролетарская и революционно-демократическая литература. Д. Бедный. М. Горький. Кубо-футуристы. Вл. Маяковский. Февральская революция и литература.

Мировая война и кризис русской литературы. Мировая война, в особенности в первый период ее развития, способствовала консолидации всех сил буржуазно-дворянского общества. Это объединение произошло на почве последовательно проводимой царским правительством агрессивной внешней политики и боязни революции, как раз накануне войны давшей новую вспышку, точно завершавшую ту грозную волну стачечного и забастовочного движения, которая неуклонно возрастала, начиная с 1912 года.

Недавние разногласия между промышленной буржуазией, экономические потребности которой определяли ее критическую позицию в отношении правительства, и дворянством, представлявшим «военно-феодалыные империалистические» тенденции в стране, были забыты перед лицом войны.

Вызванная, повторяем, захватническими интересами того «военно-феодалыного империализма», который «безусловно преобладал в России» (Ленин), и полностью поддержанная стремившейся к приобретению новых внешних рынков отечественной буржуазией мировая война способствовала выявлению всех творческих сил, скрытых в недрах правящих классов дореволюционной России.

Однако, именно на долю буржуазии выпала историческая роль стать со стороны России ведущим классом в мировой войне.

Всемерно укрепляя свои классовые позиции и будучи кровно заинтересована в победоносном завершении войны,

русская буржуазия уже во втором году кампании всем ходом событий была вынуждена вступить в борьбу с дворянской бюрократической кликой за улучшение государственного аппарата, против бесконтрольности бездарных и продажных царских министров и т. д. Борьба эта, продиктованная насущными потребностями буржуазно-капиталистических элементов, ни в какой мере не означала ослабления политических и экономических репрессий по адресу рабочего класса. Но диалектика истории была такова, что буржуазия была поставлена в необходимость выступать против царского правительства, хотя вместе с последним она имела общего врага, которого больше всего и боялась, — российский пролетариат.

Буржуазия — иногда в союзе с либеральным дворянством — создает мощнейшие общественные организации военного характера (Союз земств и городов, Военно-промышленный комитет), которые пытаются контролировать и исправлять азиатскую политику царского правительства и «по-европейски» организовать снабжение фронта, а промышленность полностью поставить на службу обороны.

Для предотвращения революционного взрыва, для того, чтобы сбить с каждым днем нараставший в народных массах шквал антимилитаризма, буржуазия, на этот раз вместе с дворянством и правительством, была вынуждена всеми мерами поддерживать в стране патриотические настроения, внушать всем и каждому мысль о необходимости драться до победного конца за любезные сердцу русского капиталиста провинции и Константинополь.

Буржуазия отлично понимала, что для успешного разрешения этой задачи необходимо привлечь интеллигенцию в качестве своеобразного агитпропа буржуазной идеологии, как выразились бы мы сейчас.

Связи, возникшие еще в десятых годах между писателями и учеными и представителями крупного капитала в салонах последних (Коновалов, Рябушинский, Терещенко), устанавливали «историческую» преемственность и общность интересов буржуазии и буржуазной интеллигенции. В годы мировой войны они были укреплены и обусловили то непосредственно «служебное» положение, которое заняла литература (в основных для того времени направлениях) по отношению к буржуазии и удовлетворению ее классовых потребностей.

Итак, процесс «капитализации» («обуржуазивания») наиболее многочисленных кругов русской литературы, начавшийся еще в девяностых годах прошлого столетия, к моменту мировой войны достиг своего наивысшего развития.

Идейные ценности, которые веками накапливала наша литература, были оптом проданы в годы империалистической войны. Покупателем их явился русский капитализм. Приобретаемые в собственность отечественные таланты оплачивались воинствующей буржуазией с чисто европейской щедростью.

Л. Андреев в одном из своих недавно опубликованных писем называет поистине баснословный гонорар, который ему обязалась выплачивать «Русская Воля»<sup>1</sup> за работу в газете.

За статьи и заведывание тремя отделами: беллетристики, критики и театра — Андрееву назначался годовой гонорар в 36 000 руб. при договоре на пять лет. Беллетристика оплачивалась по 1 500 р. с листа, причем газета обязывалась печатать все, что предлагал ей автор. Нарушение договора грозило редакции стотысячной неустойкой. С удовлетворением Андреев мог теперь сказать: «Одним словом, без усилия, я могу выработать в газете 40 — 50 000. Такое финансовое великолепие, какого мне и во сне не снилось».<sup>2</sup>

П а т р и о т и ч е с к о - ш о в и н и с т и ч е с к а я л и т е р а т у р а. В критические годы войны русская буржуазия и дворянство, организуя выгодное их классам общественное мнение, сумели заставить литературу обслуживать свои непосредственные классовые интересы. Идейно мобилизуются не только отдельные выдающиеся писатели, но создаются специальные литературно-художественные журналы («Лукоморье», «Отечество» «Война», «Партизан»), вокруг которых сколачиваются целые группы писателей. «Лукоморье» — журнал и издательство — явилось одним из самых отвратительных плодов официозной националистической и шовинистической политики правящих классов военной России. И журнал и издательство были созданы «Новым Временем» и полностью отражали политические тенденции этой газеты. В частности,

<sup>1</sup> «Русская воля» — полубульварная богатейшая газета, основанная в 1916 г. в Петрограде на средства крупных столичных банков Протопоповым, последним министром внутренних дел царского правительства, ставленником Распутина.

<sup>2</sup> «Русский современник», № 4, 1924 г.

журнал редактировался одним из известных сотрудников «Нового Времени» Ренниковым, а все предприятие (журнал плюс издательство) возглавлялось М. Сувориным. Руководители всего этого дела сумели поставить его на широкую ногу, щедро оплачивали своих сотрудников, умело используя националистический подъем, охвативший некоторые слои столичной интеллигенции. Вскоре им удалось привлечь в ряды участников издания целый ряд писателей, до того времени примыкавших к «прогрессивному» лагерю (Городецкий, Кузмин, Ремизов, Олигер, Юркун, Слезкин, Садовский).

«Современный мир», один из легальных марксистских журналов эпохи войны, следующим образом характеризовал деятельность Ф. Сологуба:

«Г-н Сологуб — человек вкусов, повидимому, разнообразных. . . Для него все равно с кем сидеть за столом. . . с Горьким, страдающим за еврейский народ, или с Суворина сыновьями, ищущими в маце христианской крови. . . Или г. Сологуб смотрит на литературное предприятие как на дом свиданий с представителями других направлений?»<sup>1</sup>

Оценивая самый журнал, «Современный мир» устами одного из своих критиков прямо заявлял, что неизвестно «золотая ли цепь у современного «Лукоморья», но она несомненно очень короткая и около него можно «заводить песнь» только идя «направо».

Но вскоре в одном из последующих номеров «Современного мира» мы находим решительное утверждение, что «цепь вокруг дуба, конечно, золотая». Это уже не намек, а прямое указание на продажность всей той писательской массы, которая пошла в услужение к Сувориным. Остальные журналы носят такой же ультра-патриотический характер и имеют целью разжигать милитаристические и националистические настроения в обществе. Отсюда откровенное прославление войны, восторженное отношение к «российскому христолюбивому воинству» и столь же рыаное поношение «варваров-германцев». Военные стихи полны проклятий по адресу этого «злого народа», его «безумного вождя. . . пьяного от крови» (Сологуб), полны кровожадных призывов расправиться с врагами и т. п.

<sup>1</sup> В конце 1915 г. под давлением общественного мнения из «Лукоморья» ушло одиннадцать крупных писателей, в том числе и Ф. Сологуб.

Поэты наперебой стараются доказать, что ответственность за начало войны ложится на немцев, а паризм только вынужден «обороняться» от наглого тевтона. В патриотическом ослеплении эти поэты готовы были видеть в Германии лишь «колоссальную машину», в которой «все... труд, наука, мир, война — давно уже осуждено судьбой» (Сологуб). Литература является в то же время глашатаем и пропагандистом шовинистических и империалистических идей.

Прежде чем весна откроет ложе влажное долин,  
Будет нашими войсками взят заносчивый Берлин.

Но я знаю, не трепещет дух Альберта короля.  
Он свободными увидит скоро милые поля.

На полях, омытых кровью, розы мира расцветут,  
И к его державе светлой Кельн и Ахен отойдут.

Ф. Сологуб. «Война». 1915 г.

В другом стихотворении Ф. Сологуба говорится о великой притягательной силе Олега за щита, который «манит нас на дремлющий Босфор». Те же настроения выражали в своих стихах В. Брюсов, Г. Иванов, С. Городецкий, Н. Гумилев, М. Моравская и др. Подобные взгляды весьма часто находились в гормональном соответствии с внутренними убеждениями писателей в спасительной силе войны. Так, Андреев отмечал 31 декабря 1914 г.:

«Я попрежнему стою за войну, вижу ее великий смысл и верю, что к благу для России и мира и немцы *будут* разбиты». <sup>1</sup> Далее Андреев, например, был искренно убежден в том, что «никто из воюющих не хочет мира».

Арцыбашев заявлял на страницах сборника «Война»: Конечно Германия будет раздавлена. Конечно кровавой ярости тевтонских полчищ будет положен предел.

Арцыбашеву и Андрееву вторил В. Г. Тан, экзальтированно восклицавший: «Не дадим чужеземцу-насильнику нашего «Вишневого сада», ни пяди, ни дюйма. Умрем — не уступим!».

В этом оживом хоре патриотических песнопевцев выделялся голос Н. Гумилева (1886 — 1921), в творчестве ко-

<sup>1</sup> «Русский современник». № 4, 1924 г.

торого «романтика проливающейся крови» была запечатлена в сильных и своеобразно пафосных картинах. Устами Гумилева говорила та часть милитаристически настроенного дворянства, которая была связана с отечественной буржуазией и вместе с последней ожидала в результате победоносного завершения войны могущественного национального расцвета России. Это подсказывало Гумилеву восторженное отношение к войне, он готов был славить отвагу и мужество русских воинов, война рисовалась ему в виде блистательного поединка. Сознание поэта опьянялось звоном клинков и воинственным ревом барабанов.

Барабаны гремите, а трубы — ревите,  
а знамена — везде взнесены.  
Со времен Македонца такой не бывало  
грозовой и чудесной войны.

Кровь лиловая немцев, голубая французов и  
славянская красная кровь...

Гумилев готов был приветствовать войну «звоном щита». Но это было далеко не «беспредметное» восхищение «романтикой проливающейся крови», как кажется иным критикам. Его военные стихи достаточно кровожадны и определенно окрашены в яркие националистические тона.

Словно молоты громовые  
Или воды гневных морей  
Золотое сердце России  
Мерно бьется в груди моей.  
И так сладко рядит победу,  
Словно девушку, в жемчуга —  
Проходя по дымному следу  
Отступающего врага.

Война представляется поэту «светлым», «святым» и «величавым делом», он призывает божие благословение на тех, кто сеет подвиги и жнет славу.

По своей конечной цели и идеологической направленности стихи Гумилева мало чем отличались от массовой военной литературы. Но притом чисто формальная их ценность была на много выше всей остальной военной поэзии. Реакционная идея подымается поэтом на такую художественную высоту,

которая была незнакома рептилиям<sup>1</sup> из «Лукоморья» и «Войны».

Беллетристика и драматургическая литература мало чем отличались от поэзии. Главным содержанием здесь являлись прославление доблестей союзных армий («Король, Закон и Свобода» Л. Андреева), грубое издевательство над немецкой культурой («Острые мечи»<sup>2</sup> Сологуба), раболепное восхищение мужеством русской нации, долженствующим в конечном счете обеспечить победу над Германией. Такая тематика была обусловлена основной целеустремленностью военной литературы: поддержать в стране патриотические чувства, скрыть истинный смысл происходящих на фронте событий, создать настроения для борьбы «до победного конца». Отсюда величайшее лицемерие в литературе эпохи войны, полное искажение действительности, которая с каждым годом становилась все более зловещей. Война сознательно рисовалась этими писателями в виде блестящего военного похода, имеющего конечной целью быстро и безболезненно восстановить попорченную немцами справедливость.

Д. Бедный следующими негодующими словами характеризовал в 1916 г. военных беллетристов:

На все наведена искусно позолота.  
Идеи мирные, как шелуху, отвеяв,  
Бытописатели российского болота  
Преобразились в Тиртеев.  
Победно-радостны, нахмутив грозно брови,  
За сценкой боевой спешат состряпать сценку:  
С еще дымящейся, горячей братской крови  
Снимают пенку!

Творческое отражение действительности, покоившееся на глубоко реакционных идеях, резко расходилось с жизнью, и этот разрыв обуславливал нестерпимую фальшь и полную

<sup>1</sup> Рептилии — земноводные пресмыкающиеся. В переносном смысле — люди, продающиеся существующей власти. Рептильная печать — продажные газеты.

<sup>2</sup> Современной марксистской критикой этот роман характеризовался как «квинтэссенция мыслимой в русской литературе пошлости», «апофеоз невежества», в котором столоверчение, кофейная гуша и вещие сны являются важнейшими составными элементами человеческой жизни.

Центральным тезисом романа являлось торжество пророчества и ясновидения, что соединялось с горячей симпатией автора к миру генералов, старцев, предсказателей и т. п.

художественную никчемность литературы эпохи империалистической войны.

Патриотический лубок. С флангов «художественная» литература поддерживалась множеством лубочных и полулубочных изданий, характер которых полностью определялся их названием: «Дюжина немцев на одном казацком копье», «Как казаки украли австрияка», «Как казаки нагоняли страх на немцев» и наконец «перл» патриотического самодовольства «Подвиг русской девушки или знай наших баб», или патетическое «Величайшая из великих войн с австро-немецками и турками за правду Божию, за свободу народов».

Большинство перечисленных книжек увидело свет в Одессе. Можно было бы отнести на счет провинциальной нечистоплотности всю эту циническую макулатуру.

Но оказывается, что в Петрограде в 1914—16 гг. имелось не меньшее число аналогичных изданий, часто отличавшихся богатством внешних украшений и блиставших небезызвестными литературными именами.

Как на один из примеров укажем на журнал «Война». Вот краткий перечень «тем», освещенных в этом издании:

Немецкие зверства. Кайзер Вильгельм в анекдотах. Немцы в карикатурах. Наша союзница Франция. Наша союзница Англия. Неприятель в анекдотах. Палачи и мародеры. Война в воздухе. Турки в анекдотах. Казаки в бою. Таинственное на войне. Гарем.<sup>1</sup>

Подобно «Войне» строились и все другие многочисленные столичные и провинциальные патриотические издания.

На ряду с этим буржуазная пресса ежедневно обрушивала на голову читателя десятки очерков, фельетонов, путевых записей и корреспонденций с фронта, в которых литераторы первой величины наперебой рассказывали о «радостно (!) воюющих народах» (Куприн), о «казаках, в каждом слове которых сквозит любовь (!!) к войне» (Федоров), о «братском согласии «купца и рабочего, объединившихся в одном порыве уничтожить врага» (Немирович-Данченко).

Все эти вымыслы снабжаются броскими заголовками вроде «Ермаковы внуки» или «Сорок богатырей» и в таком

<sup>1</sup> Ф. Блументаль. Буржуазная политработа в мировую войну. Гиз. 1928.

виде распространяются в миллионах оттисков. Даже «умеренная», кадетская, профессорская «Речь» заводит у себя специальный отдел... «Немцы бегут»!!

Безыдейно-декадентская литература. И. Северянин. Тревожный характер происходивших в тылу и на фронте событий, всеобщее предательство государственных интересов со стороны бюрократической клики, преступная бездарность военного руководства, за которое армия расплачивалась миллионами человеческих жизней, — все это постепенно рассеивало шовинистический угар. Патриотические победные песни начинают терять былую привлекательность в глазах читателей, постепенно уступая место литературе сексуально-эротической и безыдейно-декадентской. Художественные произведения этих категорий (Арцыбашев, Винниченко, Амори, Северянин) ориентировались главным образом на те стоявшие вне общественной и революционной жизни группы, которые устали от тягот военного времени, смутно сознавали надвигающуюся социальную катастрофу и искали забвения в интимно-любовных переживаниях. И недаром эпиграфом к книге поэт (стихотворений) И. Северянина «Тост безответный», выпущенный в 1916 г., взята строка из Мирры Лохвицкой:

Пусть завтра смерть — сегодня мы живем .

И. Северянин в приторно-сладких и мелодично звучащих стихах уводил своего читателя в мир иллюзорной, парфюмерной красоты. Названия отдельных стихотворений и разделов книги: «Ананасы в шампанском», «Бал зацветающий», «Поэза голубого вечера», «Шалости кузины», «Веранда над морем» — достаточно ясно указывают на внутренний мир поэта. Не менее характерны для И. Северянина имена, которые он дает героиням своих произведений: Иоланта, Зигрид, Мадлен, Ингрид. Общественная тема находит у Северянина свое выражение в виде отдельных пацифистских и патриотических стихотворений. Беспринципное легкомыслие позволяет поэту в одно и то же время славить войну и оправдывать дезертирство («Да здравствует светлая трусость!» — один из лозунгов Северянина).

Пошлая мещанская самовлюбленность (захлебываясь, И. Северянин признается в том же 1915 г.: «Когда мне

пишут девушки: «Его светозарности», душа моя исполнена благодарности»), погоня за голой формой, полная идейная опустошенность — составляли отличительную особенность буржуазно-дворянской литературы в годы мировой войны.

**Акмеизм.** В виде реакции на поэзию символистов незадолго до войны возникает новое литературное направление — акмеизм, во главе которого становятся крупнейшие поэты того времени: Гумилев, Мандельштам и Ахматова. Акмеисты, являясь в идеологическом отношении представителями стабилизационных настроений русской буржуазии и ее блока с дворянством на основе столыпинского режима, выставляют требования конкретного, четкого мироописания. Однако, тематика акмеистов ограничивается главным образом: а) кругом узко интимных лирических переживаний (Ахматова) и б) романтическими пейзажами заморских сказочных стран (Гумилев).

От общественных тенденций современности акмеисты, подобно символистам, ограждаются высокой стеной экзотических мечтаний и утонченного, психологического анализа.

К 1910 г. относится также расцвет реалистической прозы, характерными чертами которой являются, по словам Г. Горбачева: «насмешливо отрицательное отношение к пережиткам крепостнического прошлого, к «варварству» русской жизни, к бюрократизму и «произволу»; неопределенный демократизм, «сочувствие к народу», к его вопиющей и гибельной для нормального развития страны нищете; неопределенные надежды на некое, неизвестно как, постепенно и не скоро, должно-ствующее притти прекрасное будущее».

**Пролетарская и революционно-демократическая литература.** Д. Бедный (род. в 1883 г.). Революционно-демократическая литература цензурными репрессиями была загнана в подполье и поэтому не могла играть сколько-нибудь решающей роли в годы мировой войны. Марксистские и полумарксистские издания были закрыты, и лишь в меньшевистском журнале «Современный мир»,<sup>1</sup> а во вторую половину войны на страницах органа

<sup>1</sup> «Современный мир» оказывается в то время первым журналом, который пытается противодействовать урагану шовинистической военной литературы. Едко высмеивает журнал поэтическую продукцию всевозмож-